

РАЗВЕДКА ► И ◀ КОНТРАЗВЕДКА

РЭМ КРАСИЛЬНИКОВ

ПРИЗРАКИ В СМОКИНГАХ

**ЛУБЯНКА ПРОТИВ АМЕРИКАНСКИХ
ДИПЛОМАТОВ-ШПИОНОВ**

Разведка и контрразведка

Рэм Красильников

**Призраки в смокингах.
Лубянка против американских
дипломатов-шпионов**

«Алисторус»

2016

УДК 351.746.1
ББК 67.401.212

Красильников Р. С.

Призраки в смокингах. Лубянка против американских дипломатов-шпионов / Р. С. Красильников — «Алисторус», 2016 — (Разведка и контрразведка)

ISBN 978-5-906880-69-7

На жаргоне вашингтонских джеймсов бондов «призраки» – это сотрудники Центрального разведывательного управления США. Считалось, что московская резидентура ЦРУ – элитное подразделение, укомплектованное такими вот неуловимыми разведчиками. Лубянка развеяла этот миф. Автор – генерал-майор в отставке, бывший начальник американского отдела Второго (контрразведывательного) главного управления КГБ, руководил в 1979–1992 годах операциями по обезвреживанию подрывной деятельности заокеанских шпионов в СССР. Он объективно и правдиво рассказывает об остром противоборстве спецслужб Москвы и Вашингтона.

УДК 351.746.1

ББК 67.401.212

ISBN 978-5-906880-69-7

© Красильников Р. С., 2016

© Алисторус, 2016

Содержание

От автора	6
Пролог	8
Глава 1. Разведка и контрразведка	11
Глава 2. ЦРУ глазами «охотника за шпионами»	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Рэм Красильников
Призраки в смокингах. Лубянка против
американских дипломатов-шпионов

© Красильников Р. С., 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

* * *

Моим друзьям, товарищам и коллегам, служившим в органах государственной безопасности Советского Союза и Российской Федерации; всем тем, с кем мне довелось пройти долгими и трудными дорогами «холодной войны», – посвящаю.

От автора

Это книга о посольской резидентуре Центрального разведывательного управления США в Москве.

Множество публикаций, солидных исследований и газетных однодневок в самих Соединенных Штатах, в нашей стране и вообще во всем мире появилось о ЦРУ. Деятельности американской разведки посвящены сотни, если не тысячи документальных и художественных фильмов, телевизионных и радиопередач. Вряд ли найдется человек на нашей планете, который бы не слышал о Центральном разведывательном управлении.

Признаюсь: название книги – «Призраки в смокингах» – принадлежит не мне. Его придумал редактор. Но я согласился с ним, ибо оно очень точно отражает саму суть дела: какие тайные операции проводило ЦРУ в Москве на последнем этапе «холодной войны».

В течение полувека разведывательно-подрывные акции американских спецслужб вызвали появление потока разнообразных материалов в средствах массовой информации. Но резидентура ЦРУ, действовавшая под прикрытием посольства США в Москве, долгое время оставалась в тени. В этом нет ничего удивительного: за океаном тема о деятельности зарубежных разведточек считалась запретной. Особенно же засекреченными были и остаются сведения об операции московской резидентуры. Скромное умалчивание об этом объясняется, по-моему, не только установленным в Лэнгли¹ режимом строгой секретности. Причина также заключается в нежелании признать серьезные поражения разведки Вашингтона в нашей стране. Лишь недавно в Соединенных Штатах появились публичные упоминания о разоблачении агентов и разведчиков ЦРУ в СССР. Руководители управления вынуждены были дать согласие на такие публикации, так как скрывать далее свои промахи им стало невозможно.

В своей книге я стараюсь максимально объективно и точно рассказать о некоторых появившихся в Соединенных Штатах открытых публикациях, в которых затрагивается работа американской разведки против Советского Союза, и, как правило, воздерживаюсь от пространных и политизированных комментариев, чтобы дать возможность самим читателям судить о реальном противостоянии спецслужб двух наших стран.

Я не ставлю задачей только лишь восполнить отсутствие в нашей стране, да и в Соединенных Штатах, работ о посольской резидентуре ЦРУ. Это с одной стороны. С другой же, я не поддаюсь соблазну дать лишь одно описание технической стороны разведопераций, известных советской контрразведке. И конечно, не впадаю в азарт раскрытия обстоятельств оперативной работы американской разведки, не смакую разоблачения ее агентов.

Я также считаю целесообразным рассматривать разведывательно-подрывную деятельность ЦРУ с учетом конкретной обстановки, на фоне планов и расчетов Вашингтона. Полагаю, что это поможет мне убедительно опровергнуть некоторые расхожие мифы о Центральном разведывательном управлении, получившие широкое хождение в мире, в том числе и в нашей стране.

Миф первый. Всемогущество и безошибочность действий разведки Вашингтона. Этот тезис усиленно вбивается в голову не только американцам и их союзникам, но и нашим гражданам. От него нелегко избавиться: многие в мире продолжают верить в чудодейственные возможности Центрального разведуправления.

Миф второй. В развале Советского Союза главная роль принадлежит ЦРУ. Как ни парадоксально, этот миф обрел хождение и в нашей стране.

¹ Пригород Вашингтона, где размещается штаб-квартира ЦРУ.

Миф третий. Советские спецслужбы не могли противостоять разведывательно-подрывным акциям ЦРУ в последние годы существования СССР. Деятельность разведки и контрразведки нашей страны была «черным пятном» в их истории.

Удалось ли мне выполнить поставленную задачу – решат мои читатели.

Я отдаю в их руки судьбу своей книги.

Пролог

Второй секретарь американского посольства Пол Стомбау зябко ежился. Нет, не от холода: стоял июнь, и в Москве было по-летнему тепло.

Стомбау не был обыкновенным дипломатом. Галантный, симпатичный американец в действительности состоял на службе в Центральном разведывательном управлении и принадлежал к самой засекреченной категории оперативных работников – разведчиков «глубокого прикрытия». Мало кто в посольстве знал о его действительном амплуа – сотрудника резидентуры ЦРУ. Другим членам этой засекреченной структуры запрещалось с ним общаться, в помещениях разведпункта он не появлялся. Многие дипломаты принимали его за своего, так как вместе обучались на специальных курсах госдепартамента в Вашингтоне.

Вечером Полу предстояла важная встреча с агентом. Он перебирал в памяти русские слова, которые должен будет сказать секретному сотруднику, когда придется передавать тому новое задание Лэнгли и вознаграждение за прошлую работу. Источник любил брать деньги и вдобавок обращался к американцам с многочисленными просьбами: то это были ценные лекарства, то редкие книги. Агенту дозволялось многое – он был не простой источник, а поставщик ценнейшей информации. Сотрудник одного из московских научно-исследовательских институтов, занимавшихся важной оборонной тематикой, он относился к той категории агентуры, которую следовало холить и лелеять и тщательно оберегать, как курочку, несущую золотые яйца. Работа шпиона получала высокую оценку начальства, ему хорошо платили, сулили богатое вознаграждение, когда он окажется в США, регулярно сообщали, сколько долларов накопилось у него на личном счету в одном из опекаемых ЦРУ американских банков.

Пол Стомбау знал: информация агента поступает прямо к руководству, директор управления адмирал Стэнсфилд Тернер лично докладывает о нем президенту Соединенных Штатов Рональду Рейгану как о ценнейшем источнике в Советском Союзе. «Ваши заслуги признаны. Потеря вашей информации явилась бы тяжелым ударом для нашего правительства», – вспомнил Пол: это сообщалось в одном из писем Лэнгли, врученном на недавней встрече агенту.

Стомбау снова и снова прокручивал в голове план сложной агентурной операции. Его специально готовили к таким операциям в Лэнгли, обучали искусству выхода на личные встречи с агентами, обнаружению слежки контрразведки, психологическому воздействию на агента, если бы оно понадобилось.

13 июня 1985 года, четверг – день операции по связи с агентом. Ее начали выполнять строго по плану, который подготовила резидентура, и который был рассмотрен и одобрен в советском отделе Оперативного директората ЦРУ. Утром автомашина посольства с двумя пассажирами проследовала от здания диппредставительства на улице Чайковского мимо огромного жилого дома, что на площади Восстания. Москвичи привычно называют этот дом «высоткой». Это помпезное архитектурное сооружение конца сороковых годов. На двенадцатом этаже высотного дома – квартира агента. Открытая форточка одного из окон квартиры в известный резидентуре промежуток времени – сигнал готовности шпиона: он вечером этого же дня будет на месте встречи.

Пассажиры посольской автомашины – сотрудник резидентуры Кристофер Берджес и его напарник – видят: форточка открыта. Они везут эту приятную весть в посольство и передают в резидентуру. Других деталей операции эта пара не знает, как и того, о каком агенте идет речь. Конечно, им доверена большая тайна – расположение квартиры агента. Но доверять им можно: они – сотрудники резидентуры. Стомбау тоже пока агента представляет лишь по фотографии. Он встречается с ним впервые и должен опознать его прямо на месте и обменяться вещественным и словесным паролями.

Место встречи – Кастанаевская улица в «спальном» районе Москвы: небольшая, малолюдная, тихая, особенно в четверг вечером.

Еще раз обдумав «сценарий» личного контакта с агентом, Пол сосредотачивается на том, как он будет добираться до назначенного места. Перед ним аккуратно разложены карты и фотоснимки района. Он хорошо представляет место встречи. Разведчикам не следует самим часто показываться в тех местах, где предполагаются агентурные операции, не надо мозолить глаза контрразведке противника. Снимки Москвы делают за них разведывательные фотоспутники. Выдвигавшийся еще в пятидесятые годы президентом Дуайтом Эйзенхауэром план «открытого неба» сейчас действует безукоризненно. Фотоснимки качественные, видны каждая улочка, каждый дом. При желании можно разглядеть и автомашины, даже людей. Разведывательные спутники отлично справляются с поставленной задачей.

Пол Стомбау досконально изучил маршрут своего движения к месту встречи, наизусть помнит автобусы и троллейбусы, которыми ему предстоит пользоваться, знает, какие остановки. Ему не нужно нигде записывать путь движения, как это делали некоторые сотрудники резидентуры, пусть даже это будет маленькая, свернутая в трубочку записка на растворимой бумаге, которую легко проглотить, если уж понадобится по обстоятельствам.

Пол размышляет: на весь путь до Кастанаевской улицы с необходимой проверкой, пересадками, прогулкой пешком, остановками ему понадобится четыре-пять часов. Он приказывает себе не расслабляться и не волноваться, срабатывает закалка, полученная им еще в период работы в Федеральном бюро расследований. Он не «засветился», как некоторые сотрудники резидентуры, ведет себя в посольстве, как подобает «чистому» дипломату. КГБ его не подозревает. Ему не нужно менять свою внешность, маскироваться под другого человека, прибегать к другим эффективным приемам, чтобы избавиться от контроля советской контрразведки. Стомбау вспоминает один из таких приемов – использование манекена. Это дает поразительный результат. Разведчику удастся обмануть слежку, даже если он находится под наблюдением. Представьте себе сотрудника резидентуры, когда он вместе с женой едет в автомашине. За рулем автомобиля жена, она – верная помощница в таких делах. Вот автомобиль на несколько секунд попадает в «мертвую зону» – они свернули в переулок, и сотрудники наружного наблюдения их не видят. Ну, а разведчику этого вполне достаточно – он выпрыгивает из автомашины и исчезает в каком-нибудь дворе. В этот момент и происходит чудесное явление манекена: супруга приводит в действие выполненную в натуральную человеческую величину резиновую куклу, которая имеет полное сходство со своим благоверным. Кукла-двойник надежно упрятана в чемоданчике. Достаточно секунды, чтобы она наполнилась воздухом и заняла место покинувшего автомашину разведчика. Манекен выглядит вполне правдоподобно, на него можно надеть шляпу или кепку и даже имитировать разговор с ним, поворачивая с помощью незамысловатого устройства голову куклы. Двойник исчезнувшего пассажира по-прежнему привлекает внимание слежки. Когда автомашина подъедет к дому, и манекен, из которого выпущен воздух, снова окажется в чемоданчике, наружное наблюдение спохватится, но будет уже поздно.

«Нет, – думает Стомбау, – этот прием ему сегодня не потребуется. Есть другие возможности незаметного выхода на операцию, другие способы тщательной проверки. Они были хороши в прошлом, не должны подвести и в этот раз».

Пол окончательно успокаивается. Объемистая сумка, в которой он понесет для агента книги, лекарства и пачки денег, уже подготовлена.

Ровно в восемь часов вечера американский разведчик уже на Кастанаевской улице и ждет агента, который должен появиться с минуты на минуту. Источник – человек аккуратный, на встречу может приехать в собственной автомашине. Еще светло. Пол внимательно осматривается. Редкие прохожие торопятся домой, кругом все спокойно. В нескольких шагах от него

телефонная будка, в ней молоденькая девушка, она увлечена разговором, временами заливаясь смехом. Пол ее совершенно не интересует.

То, что происходит затем, Стомбау не в состоянии объяснить. В считанные секунды он с тяжелой сумкой, которую упрямо сжимает в руке, оказывается на заднем сиденье незаметно подкатившей автомашины. По бокам его, тесно сжав, – сотрудники советской контрразведки. Автомобиль мгновенно набирает скорость, мчится в центр города. В последний момент Пол успевает заметить, как разворачивается еще один акт драмы: на углу улицы задерживают и усаживают в «Волгу» невысокого мужчину, в руке которого книга в белой обложке – вещественный пароль.

А молоденькая девушка в телефонной будке по-прежнему увлеченно беседует с кем-то: скоротечный эпизод на Кастанаевской улице ничем не привлек ее внимания.

Агент, с которым должен был встретиться Пол Стомбау, – это Адольф Григорьевич Толкачев, старший инженер научно-исследовательского института «Фазотрон» Министерства радиопромышленности СССР. Это он – агент № 1 ЦРУ в Советском Союзе. Его оперативный псевдоним – «Сфера». Реакция в Лэнгли на провал источника – шок и тотальное уныние. В советском отделе настроение, близкое к паническому. В поисках причины провала теряются в догадках, ищут утечку информации.

Драматические события, подобные провалу агента «Сфера» и задержанию на месте встречи с ним разведчика посольской резидентуры, – примечательная черта восьмидесятых годов нашего столетия. Это время уже вошло в историю советско-американских отношений как новый «крестовый поход» против СССР, объявленный президентом США Рональдом Рейганом. Он, этот поход, ознаменовался ожесточенными тайными сражениями спецслужб Вашингтона и Москвы. О них и пойдет речь в этой книге. Противоборство советской контрразведки с американской системой шпионажа будет в ней рассматриваться главным образом как столкновение 1-го отдела Второго главного управления КГБ СССР и посольской резидентуры Центрального разведывательного управления Соединенных Штатов в Москве. Конечно, многим материалам еще предстоит храниться в архивах секретных служб – и наших, и американских. Но будем надеяться: придет время, когда все тайное станет явным.

Глава 1. Разведка и контрразведка

Я проработал в спецслужбах Советского Союза почти сорок три года, служил в разведке и контрразведке. Встречался лицом к лицу с американскими и английскими разведчиками, в течение двенадцати лет сталкивался с напористой деятельностью посольской резидентуры Центрального разведывательного управления в Москве. Эта книга – плод моих раздумий о противоборстве разведки и контрразведки. Она – напоминание моему поколению о недалеком прошлом, а поколению грядущему – о борьбе специальных служб, которая может менять окраску, но не меняется по существу.

Понятия абстрактной нравственности для разведки и контрразведки, по всей видимости, неприемлемы. Предоставлю рассуждать о «всеобщей нравственности» моралистам. С моей точки зрения, нравственность – категория историческая, общественная. Не следует, вероятно, искать упреков для операций американской службы шпионажа – она делает то, что должна делать в соответствии с целями, которые ставит руководство Соединенных Штатов. Бесспорна и деятельность органов контршпионажа нашей страны, которым поручено защищать безопасность и интересы государства и общества, всех российских граждан.

Разведка и контрразведка – антиподы. Это – банальная истина. И они – не панацея от всех бед. Однако необходимо отметить: шпионаж в сравнении со своим противником, контршпионажем, обладает тем преимуществом, что он – сторона нападающая и в силу этого пользуется фактором внезапности, определяет место действия, характер своих операций, их исполнителей. Словом, как говорится, «у волка сто дорог, у охотника – только одна». Резидентура ЦРУ в Москве умело пользовалась фактором неожиданности, выбирая одну из «ста дорог» – удобное время для своих разведывательных операций, подбирая соответствующих исполнителей – шла ли речь о закладке тайника для агента, проведении с ним личной встречи или сеанса радиосвязи. Разведка и контрразведка – меч и щит, с тем только добавлением, что меч не принято упрекать за то, что он наносит разящие удары. Надо просто от них умело обороняться. В равной мере и тому, кто поднимает меч, не следует предъявлять претензий к щиту, выполняющему строго защитные функции.

Наверное, нет необходимости особо морализировать на тему «Разведка и контрразведка»: каждая из них делает свое дело и по-своему права. Разговор об этом, видимо, подобен спору о том, что первичнее – курица или яйцо. Схожих «философских» споров сегодня немало и в нашей стране, и в Соединенных Штатах. Задаются вопросом: моральна ли разведывательная деятельность? Имеет ли она право на существование? Может ли разведка применять агентурные методы сбора информации? Совсем недавно придирчивые критики деятельности ЦРУ, осуждая проводимые американской разведкой террористические и диверсионные акции, а также расправы над неудобными иностранными лидерами, призывали к созданию идеальной спецслужбы, чего-то вроде научно-исследовательского учреждения. Можно напомнить, говорили эти критики, как разведкой в угоду своим целям рисуются устрашающие картины мнимых угроз для США.

Вспоминают в связи с этим роль разведки во вьетнамской аванюре, а из более близких по времени сюжетов – ее роль в раздувании «холодной войны» и гонки вооружений со ссылками на «советское военное превосходство». Повторяю: все это не пропаганда, исходившая от Советского Союза. Это – суждения самих американских политологов, журналистов, пишущих о деятельности спецслужб, бывших сотрудников секретных структур Соединенных Штатов.

Недавно я натолкнулся на сделанное в 1994 году высказывание бывшего директора ЦРУ адмирала Стэнсфилда Тернера: «Национальные разведывательные оценки (*то есть ежедневные разведывательные сводки, докладываемые президенту США.* – Р.К.) не были ни неточ-

ными, ни дезинформирующими, но они были неприемлемы для президента при осуществлении им политического курса».

Браво, адмирал! Вот так надо защищать свою службу, отстаивать честь мундира. Но как совместить эти слова с заявлениями других высокопоставленных лиц, в том числе руководителей вашингтонской администрации? Как увязать утверждение того же Тернера о безупречности «национальных разведывательных оценок», когда ранее он сам вторил сенатору Мойнихену, критиковавшему ЦРУ за плохую информацию об СССР? Высшее руководство Лэнгли признавало, что ему не удалось предсказать реформы Горбачева. Особенно доставалось от конгресса Соединенных Штатов и от средств массовой информации за «неадекватную» оценку положения в Советском Союзе руководителями Центрального разведывательного управления конца восьмидесятых – начала девяностых годов. Так, Роберта Гейтса², снискавшего репутацию ведущего аналитика, сами сотрудники разведки обвиняли в предоставлении хозяину Белого дома фальсифицированных докладов о советской экономике, о связи Советского Союза с международным терроризмом. Известно о сетованиях другого бывшего директора ЦРУ Уильяма Уэбстера³ о том, что «управление промахнулось на целую милю» в прогнозировании развития ситуации в СССР. Неспособность Лэнгли правильно оценивать события и прогнозировать их развитие связывалась с «зашоренностью» руководителей разведки, с тем, что они «увязли» в «холодной войне» и «упрямо преувеличивали угрозу, исходящую от Советского Союза». Конгрессмены и средства массовой информации США позволяли себе и более обидные слова, смысл которых сводился к тому, что проводимый руководством страны курс оправдывал огромные расходы на спецслужбы, и поэтому, мол, в ЦРУ не допускали и мысли об окончании «холодной войны», ибо это означало бы конец и самого Центрального разведывательного управления. Можно, конечно, сделать скидку на то, что все, о чем во всеуслышание говорилось Тернером, Уэбстером и Гейтсом, было нацелено на конгресс, ведающий бюджетными ассигнованиями. Но ведь они тоже должны были заботиться о чести мундира и быть ответственными за свои слова.

И у нас в стране есть люди, которые по разным причинам не приемлют, так сказать, разведку и контрразведку, считают их деятельность аморальной и ненужной, требуют низвести их до положения ведомств, которые по существу были бы бессильны в столкновении с иностранными спецслужбами, не способны защитить национальную безопасность страны. Я далек от того, чтобы усматривать во всем этом происки «агентов влияния» противной стороны. Могут быть и другие причины, в частности, морального порядка. Но несомненно одно: спецслужбы США, и в первую очередь ЦРУ, вели и ведут широкое наступление на разведывательные и контрразведывательные органы нашей страны, стремясь проникнуть в их структуры, парализовать их деятельность. Очевидно и другое: в кампании по дискредитации и ослаблению спецслужб нашей страны втягивались официальные круги США, средства массовой информации, неправительственные организации и фонды. С недавнего времени они, используя сложную обстановку в нашей стране, резкое ухудшение социально-экономического положения подавляющей части населения, стремятся вовлечь в орбиту своей деятельности некоторых прозападно настроенных политических и общественных деятелей России.

Ниже я затрону тему тайных подрывных акций ЦРУ – так называемых «специальных операций», возложенных на разведку директивами президентов США. Рассмотрю вопрос об агентуре влияния. Агенты влияния, которых нельзя, по моему мнению, смешивать с бытующим в обиходе понятием «пятая колонна», занимают особое место в агентурном аппарате американской разведки. В ЦРУ их тщательно оберегают, стараясь исключить малейший риск их расшифровки и разоблачения.

² Роберт Гейтс – директор ЦРУ в 1991–1993 гг. До этого длительное время возглавлял аналитическую службу управления.

³ Был предшественником Р. Гейтса в 1987–1991 гг. на посту директора ЦРУ.

Можно, конечно, рассматривать разведку как своеобразного гаранта мер доверия между государствами. Но какие бы красивые фразы ни произносились, схоластика в конечном счете всегда вредна – никакие «меры доверия» сами по себе, как считал видный советский государственный деятель Ю. В. Андропов, не рассеют подозрений, не приведут к добрососедским отношениям между странами, если они не подкрепляются нормализацией обстановки, серьезными политическими шагами по предотвращению конфликтов, отказу от проповеди вражды и ненависти. Нельзя ставить лошадь позади телеги – так никакой воз с места не сдвинешь!

Разведка и контрразведка – государственные структуры, призванные в равной мере отстаивать национальные интересы и безопасность своих стран. Вряд ли отыщутся здравомыслящие люди – и глубокомысленные политики, и рядовые граждане, – которые отказали бы государству в праве иметь полноценные разведывательные службы, способные давать объективную информацию о возможностях и намерениях потенциальных недругов, конкурентов, партнеров и даже союзников. Нелепо требовать от разведки свертывания агентурной работы, прекращения секретных операций по добыванию тех сведений, которые необходимы для безопасности своей страны. Нужно постоянно иметь в виду, что это достаточно деликатная часть деятельности, требующая соблюдения неписаных «правил игры» и определенного такта. Разведка и контрразведка работают, как известно, в сфере секретности. Особо оберегаемые тайны – агентура, оперработники, формы и методы работы, ведущиеся разработки.

Но общественность, – конечно, в определенных рамках – обязана знать о деятельности спецслужб, ведь они призваны защищать интересы государства и общества. Сама эта деятельность должна вестись в строгих рамках законодательства. И в моей стране, и в США приняты специальные законы, охраняющие от огласки формы и методы деятельности разведывательных и контрразведывательных органов, их личный состав, их негласных помощников.

Применительно к деятельности спецслужб секретность и конспиративность, не сдавая своих принципиальных позиций, обязаны уживаться с гласностью и открытостью. Более того, гласность, использование средств массовой информации должны использоваться в борьбе с противоправной деятельностью, в том числе с операциями иностранных разведок. Правда, спецслужбы, особенно разведка, зачастую прибегают к так называемым «активным мероприятиям» – дезинформации, распространению сфабрикованных слухов. В Соединенных Штатах эту деятельность ЦРУ называют «черной пропагандой».

Столь же нелепо требовать от контрразведки отказа от ее права препятствовать, срывать иностранную разведывательную деятельность. Нелепо разоблачать, как это пытаются делать некоторые ретивые критики нашей службы контршпионажа, ее усилия – пресекать разведывательно-подрывную деятельность зарубежных спецслужб методами агентурной работы и использования оперативной техники. Прицельное применение таких методов, поскольку оно не противоречит законодательству, в отношении действительного противника (а для Советского Союза спецслужбы США были именно таковым) позволяло успешно решать задачи выявления в составе американских представительств в нашей стране тщательно законспирированных разведчиков, вскрывать разведывательные операции ЦРУ. Такие мероприятия советской контрразведки способствовали в восьмидесятых годах пресечению преступной деятельности американских шпионов из числа советских граждан – Толкачева, Воронцова, Полякова, Потапова, Павлова, Полищука и других. Чтобы сорвать шпионские акции, проводимые московской резидентурой ЦРУ на территории нашей страны, контрразведке приходилось идти (если не оставалось иного выхода) на захват с поличным разведчиков-агентуристов, прикрывавшихся дипломатическими должностями представительств Вашингтона в СССР. Тогда же были задержаны сотрудники американского посольства в Москве Богатыр, Томас, Осборн, Селлерс, Сайте и служащий генерального консульства США в Ленинграде Аугустенборг.

«Изучение проблем прошлого вовсе не бесполезно для правильного понимания проблем настоящего», – говорил французский политический деятель нашего века Эдгар Фор. Это,

конечно, применимо и в данном случае. Я не собираюсь, впрочем, касаться всех аспектов деятельности ЦРУ. Невозможно подробно охватить работу против Советского Союза других американских спецслужб, с которыми мне приходилось сталкиваться. Да и задачу такую я не ставлю. Постараюсь вычленить именно восьмидесятые годы и затронуть те проблемы, которые известны мне, так сказать, не понаслышке.

Безусловно, говоря о корнях противоборства ЦРУ и КГБ, придется коснуться и более давних времен, и – по необходимости – более общих причин. Могу только сказать, что в целом деятельность Центрального разведывательного управления против СССР по своей направленности, вовлеченным в нее силам и средствам, по своим масштабам не идет ни в какое сравнение с операциями посольской резидентуры ЦРУ в Москве. Не выдерживают сравнения и количественные показатели: в московской резидентуре действовало в этот период от восьми до двенадцати разведчиков. Мы в контрразведке знали их поименно: резидента, его заместителя, других разведчиков-агентуристов, технический персонал. Знали, хотя распознавали не сразу и позднее, чем других сотрудников резидентуры, разведчиков «глубокого прикрытия». Знали и, конечно, внимательно наблюдали за теми женами сотрудников резидентуры, которые привлекались Лэнгли для выполнения разведывательных заданий – от «прикрытия» своих мужей до проведения ими самостоятельно разнообразных агентурных акций. Держали «на прицеле» и тех дипломатов, журналистов и других лиц, которых ЦРУ использовало для своих целей.

Мне довелось в восьмидесятые годы встречаться с некоторыми сотрудниками ЦРУ. В ряде случаев эти встречи происходили не в самых благоприятных для них условиях, когда, например, кое-кого из разведчиков резидентуры, задержанных с поличным при проведении разведывательных операций, доставляли в помещения КГБ для составления официальных документов. Признаюсь, что обстоятельства подобных встреч не располагали к задушевным разговорам, но давали возможность оценить их личности, понять мотивы действий.

Происходили и другие встречи и контакты. Сотрудники ЦРУ были, понятно, людьми с разными характерами, симпатичные и не очень, общительные и замкнутые, веселые и мрачные, эрудированные и простоватые, откровенно «зашоренные» в отношении моей страны и либерально настроенные. В целом же у меня сложилось впечатление об американских разведчиках как о хороших профессионалах своего дела, не зря получающих изрядную зарплату за свой непростой труд.

Также, по понятным причинам, я не собираюсь живописать всю картину деятельности советской контрразведки, ее методику, применявшиеся приемы и средства. Нередко приходится слышать ссылки на то, что все неудачи и провалы разведуправления, его московской резидентуры происходили, дескать, по той причине, что КГБ, так сказать, «из недр» ЦРУ становилось известно о личном составе и деятельности американской шпионской службы.

Это далеко не так однозначно. Впрочем, нет смысла полемизировать с самим тезисом о ценности именно такой информации, изображать «благородное негодование» по поводу упреков в том, что КГБ, мол, пользовался материалами, исходящими из ЦРУ. Хорошо зная о размахе разведывательно-подрывной деятельности управления против нашего государства, об опасных методах американской разведки по подрыву национальной безопасности страны, не стоит доводить до абсурда постулаты вроде таких как «джентльмены не читают чужих писем» и «не подглядывают в замочную скважину» или спорить о том, кто первым сказал «а». Все спецслужбы мира занимаются организацией утечки информации из спецслужб своих противников. Важно уметь ею пользоваться, оперативно и объективно проверять и отделять зерна от плевел. А все это не так просто.

Я не собираюсь вступать в споры со сторонниками такой гипотезы. Мне понятно стремление Лэнгли оправдать провалы своей резидентуры в Москве ссылками на утечку информации. Пятидесятилетняя история Центрального разведуправления изобилует примерами, когда там устраивалась настоящая «охота на ведьм», и те, кому это было выгодно, объясняли неудачи

американской разведки «проникновением КГБ в ЦРУ». Не так давно провалы московской резидентуры списывались на бывшего сотрудника разведки Говарда, совершившего в 1985 году дерзкий побег из США от буквально висевших у него на хвосте контрразведчиков из Федерального бюро расследования и получившего политическое убежище в Советском Союзе.

В последнее время найден очередной «козел отпущения» – ответственный сотрудник Оперативного директората ЦРУ Олдрич Эймс. В США появилось немало публикаций, в которых Эймс предстает в виде эдакого Левиафана⁴, губившего человеческие жизни. Забывают только о том, что предательство некоторых советских граждан, завербованных ЦРУ, – Попова, Пеньковского, Полякова, Полешука и других – привело к немалым жертвам на другой стороне.

Что это – очередное проявление излюбленного приема «двойного стандарта»? Бесплезно полемизировать на эту тему. Руководители Лэнгли, насколько я могу судить, во многих случаях воздерживались от прямой увязки провалов своих разведчиков и агентов с утечкой информации из управления. Зато за них это с завидной изобретательностью и упорством делали некоторые американские журналисты. Они пытаются навязать читателям тезис о том, что когда советские спецслужбы изобличали агентов американской разведки, раскрывали законспирированных разведчиков, разоблачали разведывательные операции спецслужб США, они, дескать, делали это на основе информации, полученной от агентов КГБ. Бытует тривиальная поговорка: «Шила в мешке не утаишь». В известном смысле это касается и разведывательной деятельности. Но происходит такое тогда, когда контрразведка умеет и в состоянии раскрыть тайное.

В самом деле – и это хорошо знают в ЦРУ, – невозможно ведь списать на Говарда или Эймса провалы посольской резидентуры в Москве в шестидесятых – первой половине восьмидесятых годов. Именно в этот период был разоблачен советской контрразведкой ряд агентов Центрального разведуправления из числа граждан СССР – Попов, Пеньковский, Огородник, Московцев, Петров, Калинин, Иванов, Нилов и другие. Тогда же провалились и были выдворены из Советского Союза разведчики-агентуристы московской резидентуры Лэнжелли, Келли, Крокетт, Богатыр, Осборн, Томас и некоторые другие. Да и мнение специалистов ЦРУ о советской контрразведке, насколько мне известно, существенно отличается от «теорий», распространяемых в американских средствах массовой информации (вероятно, с подачи самих же американских спецслужб) о том, что успехи контрразведки нашей страны в разоблачении американских агентов из числа граждан СССР и обезвреживании разведчиков ЦРУ, мол, полностью связываются с материалами зарубежных источников. Я уж не говорю о том, что некоторые руководители Лэнгли доходили до публичных заявлений о том, что такие действия советской контрразведки срывают, дескать, советско-американское сотрудничество.

Природа шпионажа как явления, сопутствующего всей истории человечества, широко известна. От агентурной деятельности иностранных разведок стремится защититься каждое государство, устанавливая репрессивный режим, соответствующий тяжести преступления. Государственные и военные секреты в Советском Союзе тщательно и бескомпромиссно оберегались, ибо считались важнейшим национальным достоянием. Особо сурово, вплоть до применения исключительной меры наказания, такие преступления карались при обострении международной обстановки, в периоды активизации разведывательно-подрывной деятельности против нашей страны вражеских спецслужб.

Необходимо отметить, что Советский Союз в своем жестком отношении к иностранному шпионажу нисколько не выделялся из большинства других стран мира. Суровые меры пресечения шпионской деятельности, включая смертную казнь и пожизненное тюремное заключение, применяются в Соединенных Штатах. В нашей стране в последние годы наказание за шпионаж стало значительно менее суровым, смертная казнь не применяется, а в некоторых

⁴ По библейской мифологии, огромное морское чудовище. В переносном смысле – нечто страшное и чудовищное.

случаях по отношению к разоблаченным агентам иностранных разведок руководство страны идет на амнистирование и даже помилование.

Несомненно, важная и полезная для контрразведки информация может поступать и из иностранных источников. Часто это открытые данные публикации и сообщения падких до сенсаций средств массовой информации, мемуары и книги бывших сотрудников ЦРУ, в том числе его руководителей, разбирательства в конгрессе США и так далее. Контрразведка, безусловно, использует и информацию, поступающую по другим каналам, если она в какой-то мере раскрывает такие аспекты разведывательно-подрывной деятельности, которые создают угрозу национальной безопасности нашей страны. Такие сведения тщательно проверяются и реализуются только в том случае, если полностью подтверждаются оперативными материалами контрразведки, а также если в процессе расследования собраны исчерпывающие доказательства криминальной вины и ответственности – в соответствии с законами нашей страны – тех лиц, которых она касается.

Образно говоря, те, кто держит щит, заинтересованы в том, чтобы меч разведки не был острым, а самое главное, чтобы оружие нападавшего не попадало в цель, ведь даже зазубренный меч бьет больно.

Было бы большой ошибкой считать, что удел контрразведки, хотя ей приходится обороняться, это глухая защита. В ее арсенале – многообразные приемы и методы навязывания нападающей стороне своей тактики и стратегии. Не громко ли это звучит? Нисколько. Думаю, что резидентуре ЦРУ в Москве в восьмидесятые годы пришлось испытать это на себе.

У контрразведки и, в частности, у первого (американского) отдела Второго главного управления КГБ было немало проблем и трудностей, случались неудачи, когда мы проигрывали в столкновении с американскими спецслужбами. Ведь приходилось иметь дело с очень сильным и опытным противником, каким были спецслужбы США и в первую очередь Центральное разведуправление. И все же эти годы были отмечены определенными успехами КГБ в противоборстве с ЦРУ.

Могут сказать: успехи разведки – это неудачи контрразведки, и наоборот. Это, конечно, верно, но я придерживаюсь мнения, что все гораздо сложнее. Главное, как мне думается, что спецслужбы действуют в определенном государстве, в определенном обществе, во взаимодействии и контакте с другими многочисленными государственными и общественными организациями. В решающей степени это определяет их прочность, силу и возможности. Безусловно, в их деятельности есть место удаче и случайностям, но не они гарантируют успех дела. Говорят, например, об удачах КГБ, раскрывшего и ликвидировавшего в те же восьмидесятые годы большую часть агентурной сети ЦРУ, действовавшей в Советском Союзе.

Говорят, далее, о провалах советской разведки, упустившей, мол, агентов ЦРУ в СИС Шеймова и Гордиевского, которых спецслужбам США и Великобритании удалось конспиративно вывезти из Советского Союза. Бесспорно, это серьезные и болезненные неудачи КГБ, но все же нельзя не видеть различий в этих нашумевших делах. Гордиевский был уже раскрыт органами государственной безопасности СССР как английский шпион, и его побег действительно «проморгали». А вот в отношении Шеймова подозрений не было, и поражение контрразведки состояло в том, что она не вскрыла операцию ЦРУ по его выводу из нашей страны.

Завершая эту главу, хочу подчеркнуть: противоборство спецслужб – это не только столкновение материальных потенциалов, технологий, взятых на вооружение технических средств. Это противоборство интеллектов, тактики и стратегии. За всеми операциями нашей контрразведки по разоблачению американской агентуры, по пресечению разведывательных акций посольской резидентуры ЦРУ в Москве стоит кропотливый, творческий труд, мастерство, преданное служение долгу многих сотрудников – работников оперативных подразделений, оперативно-технических служб, следственного аппарата.

В работе контрразведки самоотверженный труд, разумное, гибкое, комплексное использование имеющихся сил и средств – на первом месте. Именно он, этот труд, позволил нашей службе контршпионажа во взаимодействии с другими органами и подразделениями КГБ СССР противостоять мощному напору ЦРУ на Советский Союз, нанести американской разведке ряд чувствительных поражений.

Глава 2. ЦРУ глазами «охотника за шпионами»

Разведывательное сообщество Вашингтона. То, о чем пойдет речь, это заметки контрразведчика о Центральном разведывательном управлении, написанные так, как мне видится деятельность шпионской службы Вашингтона против моей страны. Это не строгое научное исследование и, конечно, не взгляд изнутри. Это свободное и непредвзятое осмысление с позиций сегодняшнего дня того, что мне известно о ЦРУ, о его посольской резидентуре в Москве. Сразу подчеркну: я нисколько не отождествляю американскую разведку с самими Соединенными Штатами. Убежден, что нельзя переносить на США, на американский народ многие характерные черты такой специфической организации.

Недавно за океаном отмечалась пятидесятилетняя годовщина создания Центрального разведывательного управления. Для специальной службы юбилей немалый. Похоже, ЦРУ верит в собственное бессмертие. Управление нередко отождествляют у нас, да и в целом мире со всей американской разведкой. Это неверно, хотя, очевидно, и приятно его руководителям. Кроме того, к нему прочно приклеились и другие названия, вроде «компания» и «фирма» (на разведывательном жаргоне) или «ведомство плаща и кинжала» (по выражению президента Трумэна на одном из банкетов сотрудников разведки).

Со времени своего создания в 1947 году Центральное разведывательное управление претерпело значительные организационно-структурные изменения, которые затронули как центральный аппарат, так и периферийные подразделения – резидентуры. В восьмидесятых годах ЦРУ состояло из четырех директоратов: Оперативного, Научно-технического, Информационно-аналитического и Административного. Руководители директоратов одновременно являются заместителями директора управления.

Оперативный директорат занимает центральное место. Его основные задачи: добывание разведывательной информации с помощью агентуры и специальных технических средств, проведение так называемых «активных мероприятий», борьба с международным терроризмом и незаконным оборотом наркотиков. Он также отвечает за контрразведывательное обеспечение деятельности разведки.

Под эти задачи и функции сформированы подразделения директората. В его составе в восьмидесятых годах были шесть географических отделов: Советского Союза и Восточной Европы, Латинской Америки, стран Африки, Восточной Азии, Ближнего Востока и Южной Азии. Имелась, кроме того, структура, занимающаяся разведкой с территории США.

В директорате работало около восьми тысяч сотрудников, включая вспомогательный и технический персонал. Половина сотрудников находилась за пределами Соединенных Штатов – в резидентурах.

Информационно-аналитический директорат – головное подразделение разведки по обработке, анализу и реализации добытой информации. Имеет структурные подразделения, аналогичные географическим отделам Оперативного директората, и ряд функциональных служб, занимающихся отдельными проблемными вопросами (вооружение, экономика, технология, запасы полезных ископаемых, сбор и анализ информации об иностранных лидерах и так далее). Помимо ежедневных материалов для руководства страны готовит так называемый «Меморандум предупреждения» (информация об угрозе ракетно-ядерного нападения), обзоры разведывательной информации, ориентировки резидентурам, сводки о внешней политике и внутреннем положении зарубежных государств, вопросах разоружения и тому подобное.

В директорате занято пять тысяч различных специалистов, персонал по обслуживанию сложной электронно-вычислительной техники и документально-архивных систем.

Научно-технический директорат разрабатывает и обслуживает технические средства сбора разведывательной информации. Поддерживает деловые контакты по вопросам разра-

ботки и закупки спецсредств с научными центрами, компаниями и фирмами – производителями и продавцами специальной техники.

Штат директората – примерно полторы тысячи сотрудников. В составе директората – служба по иностранному радиовещанию, имеющая специальные посты за пределами США для прослушивания и записи зарубежных радиопередач и телепрограмм.

Административный директорат. Его главные функции: подбор и подготовка личного состава, финансовое, материально-техническое обеспечение, поддержание связи с резидентурами (шифрованная радиосвязь, почтовая переписка центрального аппарата с зарубежными структурами). В директорате заняты около шести тысяч сотрудников.

Кроме названных директоратов в состав разведуправления входят еще несколько служб и отделов: отдел главного юрисконсульта, отдел генерального инспектора, отдел финансового ревизора, пресс-служба, отдел по связи с законодательными органами, Совет по рассмотрению открытых публикаций о деятельности управления, отдел истории разведки.

Центральное разведывательное управление – часть системы специальных служб США, так называемого разведывательного сообщества. В него, помимо ЦРУ, в настоящее время входят: разведывательные органы вооруженных сил, в том числе разведывательное управление Министерства обороны (РУМО), Федеральное бюро расследований (ФБР), Агентство национальной безопасности (АНБ) – служба дешифрования и радиоразведки, Национальное управление аэрокосмической разведки (НУАР), Управление по борьбе с наркотиками (УБН), специальные подразделения госдепартамента, министерств финансов и энергетики.

Разведывательное сообщество было создано в 1947 году при президенте Трумэне с прямым подчинением хозяину Белого дома через Совет национальной безопасности.

Полагаю, что все это хорошо известно читателям. Я упоминаю об этом сейчас, чтобы показать положение ЦРУ в системе спецслужб США и обозначить, как были представлены составные элементы разведывательного сообщества в посольстве США в Москве.

Центральному разведуправлению принадлежит особая роль в шпионском сообществе. Оно само и аппарат центральной разведки, руководителем которой является по совместительству директор ЦРУ, координируют работу органов разведки и контрразведки, анализ и оценку полученной информации, долгосрочное планирование. Этому сообществу отводилось первое место в борьбе с главным противником – Советским Союзом. Недаром американская пресса по достоинству оценивала его как ведомство «холодной войны».

Думаю, что это не преувеличение – «разведывательное сообщество» действительно было порождением «крестового похода» США против СССР, питалось конфронтацией наших двух государств и во многом существовало за счет нее. По существу, сообщество и его основной компонент – Центральное разведывательное управление – должны были служить не только противовесом главному противнику, но обеспечить руководящую роль Вашингтона в мире. В США очень многие свято верили в то, что «XX век – это век Америки». Но как бы то ни было, наиболее острые стрелы и в наибольшем количестве выпускались по Советскому Союзу. Это можно видеть по бюджету разведывательного сообщества, который, несмотря на всю его засекреченность, демонстрировал постоянную тенденцию к росту, достигнув к концу восьмидесятых годов поражающей воображение цифры в 30–31 миллиард долларов (по сравнению с 20 миллиардами в год его создания). Так вот, доля расходов на деятельность против Советского Союза составляла в этом гигантском бюджете не менее (если не более!) половины. Не могу назвать точных цифр финансирования потому, что они были строго засекречены, а также по той причине, что их разбросали по различным статьям расходов.

Численность и особенно финансирование контрразведывательных подразделений КГБ намного уступали этим показателям ЦРУ, которое, в частности, черпало из бюджета разведывательного сообщества десять-пятнадцать процентов, да и материально-технические возможности американской разведки были значительно богаче. Могу сказать с полной

ответственностью, что численность персонала первого отдела Второго главного управления Комитета государственной безопасности была меньше разведывательного аппарата американского посольства в Москве. Личный же состав первого отдела, непосредственно противостоявшего посольской резидентуре ЦРУ, несравненно уступал совокупной численности резидентуры и руководившего ею советского отдела Оперативного директората в Лэнгли.

Конечно, не одни эти факторы определяли успехи или неудачи спецслужб в их жестком противоборстве. Могут сказать, что контрразведка действовала у себя «дома», и ей поэтому было легче. К тому же она опиралась и на другие силы и возможности. Можно, наверное, согласиться с такой аргументацией, но тогда надо заняться сложной арифметикой, считать и другие «плюсы» и «минусы». В частности, широкий фронт работы, развернутой ЦРУ по всему миру, включая территорию США, в интересах вербовки агентов из числа советских граждан, которых затем планировалось использовать непосредственно в Советском Союзе и передавать на связь посольской резидентуре в Москве. Так это случилось, например, с завербованными за границей американскими агентами Поповым, Филатовым, Павловым, Поляковым, Поташовым, Полещуком и рядом других.

Деятельность большинства подразделений ЦРУ (как аппаратов управления в США, так и резидентур за границей) охватывала множество проблем, так или иначе связанных с Советским Союзом. В годы «холодной войны» Центральное разведуправление с его огромными материальными, финансовыми и кадровыми ресурсами и возможностями проявило себя как основное оружие шпионско-подрывной работы против своего главного противника – СССР. Президентские директивы и военно-политические доктрины полагали главной стратегической целью устранение Советского Союза как геополитического соперника США.

Для достижения этой цели намечались два пути. Первый – тотальный военный разгром противника. В условиях впечатлявшего тогда военного превосходства Вашингтона он представлялся вполне приемлемым и не слишком обременительным. Второй – капитуляция Советского Союза в результате политики «сдерживания» и «отбрасывания», с использованием подрывных методов и угроз военного нападения. Оба эти пути фактически исключали курс на мирное сосуществование. Почему в США не решились на первый вариант и предпочли второй, более длительный и связанный с огромными затратами, уже хорошо известно. В такой обстановке появление Центрального разведуправления отлично вписывалось в логику событий, дополняя собой «доктрину Трумэна»⁵, план Маршалла⁶, Североатлантический пакт и многие другие союзы и военно-стратегические планы, в которых делалась ставка на то, чтобы втянуть СССР в изнурительную гонку вооружений, истощить его экономику, подорвать мощным пропагандистским наступлением духовный потенциал населения.

С созданием ЦРУ колеса запущенного механизма разведывательно-подрывной работы стали бешено вращаться, подогреваемые синдромом Пёрл-Харбора⁷, как называли в США боязнь внезапного нападения.

В 1949 году началась моя работа во Втором главном управлении КГБ. Представлениям и оценкам о ЦРУ еще предстояло сформироваться, а пока американские спецслужбы казались мне и многим другим в советской контрразведке «младшими братьями» Сикрет интел-

⁵ Внешнеполитическая программа правительства США, изложенная 12 марта 1947 года президентом Трумэном в его послании конгрессу. Ссылаясь на «коммунистическую опасность», якобы нависшую над Грецией и Турцией, Трумэн призвал конгресс в интересах национальной безопасности США в срочном порядке ассигновать 400 млн долларов на оказание помощи греческому и турецкому правительствам.

⁶ Официально выдвинут государственным секретарем США Маршаллом 5 июня 1947 года как план восстановления и развития Европы путем предоставления ей экономической помощи со стороны Вашингтона. На деле этот план наряду с доктриной Трумэна явился одним из основных актов политики США, направленной на поощрение экономической экспансии американского большого бизнеса и на создание военных антисоветских блоков.

⁷ Военно-морская база США на Гавайских островах. 7 декабря 1941 года японская авианосная авиация нанесла внезапный удар по Пёрл-Харбору и вывела из строя основные силы американского Тихоокеанского флота.

лидженс сервис. И недаром в сороковые-пятидесятые годы подразделение, противостоявшее английской разведке, занимало ведущие позиции во втором главке. По оперативным и открытым материалам было известно, что СИС уже давно вело активные разведывательные операции против Советского Союза. С окончанием Второй мировой войны они значительно усилились, в эти акции втягивалась посольская резидентура британской разведки в Москве. Давно уже не секрет, что англичане помогали созданию и становлению разведывательной службы США, передавали ей свой большой опыт агентурной работы и тайных операций. Может быть, это не та ситуация, к которой применимо выражение «Ученик оказался способнее своего учителя», но, очевидно, он превзошел его в немалой степени! «Младший брат» превратился в «старшего» и стал верховодить в альянсе спецслужб США и Великобритании. Теснейшие контакты поддерживают между собой ЦРУ и СИС, РУМО и английская военная разведка, АНБ и Джи-Си-Эйч-Кью (дешифровальные службы).

ЦРУ и СИС имели свои представительства соответственно в Лондоне и Вашингтоне, где происходили обсуждения совместных акций, расследования дел по шпионажу, оценка перебежчиков из Советского Союза, обмен добытой разведывательной информацией. В то же время, опасаясь контроля советской контрразведки, разведчики Вашингтона и Лондона избегали общения между собой в СССР.

Один из примеров оперативного взаимодействия ЦРУ и СИС – широко известное «дело Пеньковского», агента английской и американской разведок. С ним поддерживали конспиративную связь посольские резидентуры Лондона и Вашингтона в Москве, проводились встречи в Париже и английской столице.

Со времени провала Олега Пеньковского, полковника Главного разведывательного управления советского Генштаба, в 1962 году дотошные западные журналисты старательно доискиваются, как же наша контрразведка разоблачила этого опытного шпиона. Показанный в ноябре 1997 года по московскому телевидению документальный фильм о двойном агенте английской и американской разведок должен положить конец этому любопытству. Этот фильм, созданный российскими кинематографистами по материалам нашей контрразведки, демонстрирует зрителям, как Второе главное управление КГБ во взаимодействии с Седьмым управлением выявило операции СИС и ЦРУ по связи с этим шпионом. Начало конца шпионской деятельности Пеньковского было положено раскрытием его моментальных контактов в Москве с женой английского разведчика, второго секретаря посольства Великобритании Родерика Чизолма. Дальнейшее уже было делом оперативного мастерства контрразведки.

Другой пример совместных оперативных мероприятий – «Берлинский туннель». В 1953 году ЦРУ и СИС соорудили в Западном Берлине (с выходом на территорию столицы ГДР) сложнейшее подземное сооружение длиной до полутора километров для перехвата телефонной связи советских представительств в Германской Демократической республике техническими средствами. В сороковых-пятидесятых годах этот «опыт» ЦРУ в Берлине (и во многих других точках мира, где проводились похожие технические операции против заграничных представительств СССР) пригодился американской разведке уже непосредственно на территории Советского Союза. В частности, в 1975 году – при установке разведчиками посольской резидентуры в Москве Веттерби и Корбином специальных радиоэлектронных устройств в районе Можайска, а в начале восьмидесятых годов – при проведении резидентурой разведывательной операции по подключению к телефонным кабелям, соединявшим один из оборонных объектов в г. Троицке с Москвой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.